

Оглавленіе

Книга III.

Агитація Лассаля.

Глава первая.

- Лассаль и Лейпцигскій Центральный Комитетъ
1. Германскій пролетаріатъ въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія
2. Рабочая политика прогрессивной партіи
3. Самостоятельное движеніе пролетаріата
4. Лейпцигскій Центральный Комитетъ
5. "Гласный Отвѣтъ" Лассаля
6. Планъ битвы Лассаля
7. Первые успѣхи и неудачи
8. Франкфуртскій конгрессъ
9. Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ

Глава вторая.

- Политическій поворотъ Лассаля
1. Рейнскій смотръ и штурмъ Берлина
2. Лассаль и Бисмаркъ
3. Борьба Лассаля съ юстиціей и полиціей
4. Бастія-Шульце
5. Лассаль и рабочіе

Глава третья.

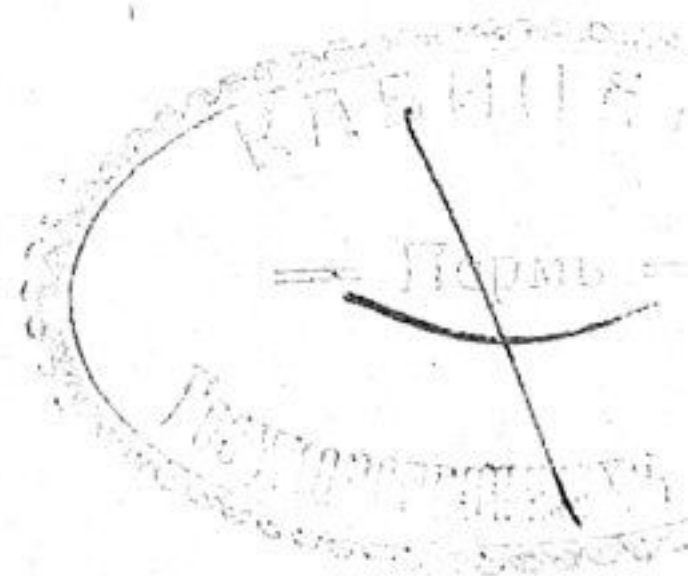
- Конецъ Лассаля

Меринг, Фр.

История германского
социал-демократизма
Книга третья.

Агитація Лассалля.

1896 г.

Глава первая.

Лассаль и Лейпцигскій Центральный Комитетъ.

г. Германскій пролетаріатъ въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Быстрые успѣхи, которые сдѣлала нѣмецкая промышленность со времени Мартовской революціи, вызвали крупныя измѣненія въ средѣ трудящихся классовъ.

Правда, земледѣльческій трудящійся классъ количественно все еще значительно преобладалъ надъ промышленнымъ пролетаріатомъ. На 3¹/₂ милліона лицъ, занятыхъ въ прусскомъ земледѣліи, приходилась едва ли 1¹/₄ милліона въ прусской фабричной промышленности. Что касается промышленнаго населенія, то ремесло въ немъ было сильнѣе фабрики; въ Пруссіи насчитывалось свыше милліона лицъ, занятыхъ въ ремесленномъ производствѣ. Въ нѣмецкихъ государствахъ, Пруссіи, Саксоніи, курфюршества Гессенъ, Баваріи, Вюртембергъ и Баденъ было занято, по имѣвшимся даннымъ, въ ремеслѣ свыше 2-хъ милліоновъ, на фабрикахъ же менѣе 1¹/₂ милліона человекъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что данныя эти имѣютъ лишь приблизительное значеніе, и особенно, что масса такъ называемыхъ ремесленниковъ въ дѣйствительности относилась къ домашней промышленности, эксплуатируемой капиталомъ.

При всемъ томъ несомнѣнно было, что въ наиболѣе значительной части Германіи ремесленное производство преобладало надъ фабричнымъ, а земледѣльческое—надъ обоими ими вмѣстѣ. Обратное отношеніе имѣло мѣсто лишь въ одномъ нѣмецкомъ государствѣ, въ королевствѣ Саксоніи, которое быстрыми шагами шло по пути превращенія въ одинъ обширный, раскинутый на большомъ пространствѣ городъ съ небольшимъ земледѣльческимъ округомъ. На такой же ступени промышленнаго развитія находился прусскій округъ Дюссельдорфъ. Въ остальныхъ же областяхъ статистика начала шестидесятыхъ годовъ, при всемъ ея тогдашнемъ несовершенствѣ, могла утѣшать приверженцевъ добраго стараго времени, что крупная промышленность еще не угрожаетъ серьезной опасностью.

Въ дѣйствительности же это утѣшеніе имѣло такое же значеніе, какъ если бы какой-нибудь мудрецъ на другой день послѣ битвы при Іенѣ сталъ утверждать, что Пруссія Фридриха Великаго остается непоколебленной, на томъ основаніи, что ни одинъ французскій солдатъ не вступилъ еще на правый берегъ Эльбы. Жребій былъ брошенъ. Никакая сила въ мірѣ не могла дольше задержать быстрое развитіе крупной промышленности. Многочисленные гекатомбы человѣческихъ жертвъ обозначали ея побѣдное шествіе. Число (84286) ручныхъ ткачей, которое, въ видѣ небольшого остатка отъ прежнихъ сотенъ тысячъ ткачей, насчитывалось еще въ 1849 году, сократилось въ 1861 году до 14557. Съ упроченіемъ крупной промышленности въ какой-либо мѣстности концентрація капитала, повышая интенсивность труда, тѣмъ же начинала обнаруживать свое опустошительное дѣйствіе. Въ одной только прусской хлопчатобумажноткацкой промышленности съ появленіемъ механическихъ ткацкихъ станковъ число ручныхъ станковъ за періодъ съ 1846 года по 1861 годъ понизилось съ 75666 до 4777, а число рабочихъ—съ 82193 до 12541. И это только нѣсколько

данныхъ изъ реляцій о битвахъ крупной промышленности.

Съя смерть и разрушеніе за собой, она поселяла блѣдный ужасъ впереди себя. Ремесло было объято страхомъ. Даже тамъ, гдѣ со стороны крупной промышленности ему не угрожала непосредственная опасность, оно съ тупымъ страхомъ чувствовало, что часъ его пробилъ, что крупная промышленность, преобразуя всѣ отношенія производства и обмѣна, вырываетъ у него изъ-подъ ногъ почву. Цѣлый рядъ докладовъ различныхъ ландратовъ, опубликованныхъ съ 1858 по 1866 годъ въ прусской официальной газетѣ, представляетъ сплошныя жалобы на неудержимое паденіе ремесла даже въ такихъ областяхъ, которыя, подобно провинціи Познани, до того находились внѣ сферы огня.

Банкротство сдѣлалось постояннымъ явленіемъ въ рядахъ мелкой буржуазіи. Неспособная оторваться отъ почвы буржуазнаго общества, конвульсивныя судороги котораго отравляли, однако, каждый часъ ея существованія, мелкая буржуазія придерживалась политики, столь же противорѣчивой, какъ и само социальное ея положеніе. Городскіе обыватели стараго покроя по-прежнему обольщались средневѣковыми миражами. Когда экономическое развитіе съ неодолимой силой разрушало послѣдніе остатки цехового строя въ Баденѣ, Вюртембергѣ, Саксоніи, а реакціонный пересмотръ прусскаго промышленнаго устава давалъ возможность ясно ощущать тяжкій ущербъ, причиненный прусскому ремеслу, въ это самое время—въ 1862 году—былъ основанъ въ Веймарѣ ремесленный союзъ съ цеховой программой. Это направленіе германской мелкой буржуазіи нашло своего рода руководителя въ лицѣ сапожника Панзе и пользовалось покровительствомъ прусской реакціи. Братецъ-юнкеръ съ нѣжностью обнялъ братца-ремесленника, а братецъ-священникъ съ умиленіемъ провозгласилъ, что ремесленники представляютъ собою

сословіе, осѣненное благодатью, къ которому Господь относится съ особенной благосклонностью. Пожимая плечами, Губеръ характеризовалъ призрачность этихъ стремленій библейскимъ изреченіемъ: „Можетъ ли слѣпецъ указать слѣпцу дорогу“?

Самъ Губеръ горячо защищалъ идею товариществъ безъ политической окраски, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безъ тѣхъ чрезмѣрныхъ иллюзій, которыя положилъ Шульце-Деличъ въ основу своей агитаціи за товарищества. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ послѣдняя быстро распространилась особенно среди мелкихъ торговцевъ и той части мелкой буржуазіи, которая, подобно быстро созрѣвающему и быстро увядающему растенію, вырастаетъ въ тѣни крупной промышленности, пока послѣдняя только развивается. Въ исключительныхъ случаяхъ основанныя Шульце-Деличемъ кредитныя товарищества и товарищества для закупки сырья дали, конечно, возможность мелкимъ производителямъ расширить свое производство, приблизить его къ фабричному; но классу, какъ цѣлому, они сулили въ лучшемъ случаѣ замедленіе его предсмертной агоніи. Меньше всего можно было открыть въ указанныхъ товариществахъ реформаторскій соціальный принципъ. Это были чисто капиталистическіе палліативы, которымъ достаточно было лишь нѣсколько развиться, чтобы проникнуты спекулятивнымъ капиталистическимъ духомъ вопреки всѣмъ предостереженіямъ Шульце. Не разъ ихъ крушеніе влекло за собою гибель благосостоянія цѣлыхъ городковъ. Но на первыхъ порахъ значительная часть мелкой буржуазіи вѣрила въ это спасительное средство и присягала знамени прогрессивной партіи, на которомъ оно красовалось.

Подмастерья, такъ же какъ и мастера, занимали промежуточное положеніе между буржуазіей и пролетаріатомъ; однако, они тѣмъ болѣе приближались къ послѣднему, чѣмъ болѣе исчезали у нихъ виды на экономическую самостоятельность. Взамѣнъ преходящаго

земного счастья реакція щедро раздавала имъ духовное утѣшеніе. Правда, въ евангелическихъ союзахъ юношей и дѣвушекъ съ ихъ ханжескими тенденціями, несмотря на ихъ сравнительно большую распространенность, пастыри собирали лишь небольшія и, какъ сыпучій песокъ, мѣняющіяся стада; однако, тѣ католическіе союзы подмастерьевъ, которые съ 1849 года вызвалъ къ жизни бывший прежде сапожнымъ подмастерьемъ священникъ Колпингъ, носили болѣе серьезный характеръ. Они были широко распространены въ южной и западной Германіи. Католическое духовенство благоразумно остерегалось вносить въ эти союзы религіозную пропаганду. Въмѣсто этого молодые священники проводили пріятно время съ подмастерьями, не считаясь съ тѣмъ, къ какой религіи они принадлежатъ. А потому въ такіе католическіе союзы вступали многіе протестантскіе подмастерья, которые въ то мертвенно-тихое время искали здѣсь удовлетворенія своей живой потребности духовнаго общенія.

Эти союзы не могли, конечно, удовлетворить пробудившихся подмастерьевъ. То самое, что дѣлало честь нѣмецкимъ подмастерьямъ еще въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, несравненно рѣзче выступило въ шестидесятыхъ годахъ: они поняли безнадежность своего классоваго положенія; имъ совсѣмъ не нужно было сначала опуститься до уровня пролетаріата для того, чтобы понять, что единственное ихъ спасеніе заключается въ пролетарской классовой борьбѣ. Въмѣнявшееся имъ въ обязанность странствованіе становилось для нихъ все болѣе и болѣе той высшей школой, которую они умѣли широко использовать. Возвращаясь на родину, они приносили въ своихъ головахъ гораздо болѣе реальныя сокровища, нежели тотъ „фабрикантскій жезлъ“, который они должны были,—по благосклонному увѣренію своихъ высокихъ покровителей изъ прогрессивной партіи,—носить въ своихъ ранцахъ.

Еще меньше успѣха имѣло это утѣшительное общеніе среди промышленнаго пролетаріата, который скоплялся слишкомъ большими массами, чтобы не понять въ концѣ концовъ своего положенія. Страданія его становились все болѣе невыносимыми. Въ жизни, какую вели рабочіе въ годы бурныхъ порывовъ крупной промышленности въ Англіи, нельзя отмѣтить ни одного факта, который не нашелъ бы себѣ точнаго отраженія въ рейнской промышленности шестидесятыхъ годовъ. Офіціальное представительство фабрикантовъ—Аахенская Торговая Палата—назвало положеніе рабочихъ Аахенскаго округа просто отчаяннымъ. Одинъ высокопоставленный чиновникъ свидѣтельствуется, что въ Эльберфельдскихъ прядильняхъ, въ тѣсныхъ непровѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ, блѣднымъ, съ землистыми лицами, лишеннымъ мускулатуры рабочимъ, при пятнадцати часовой работѣ, среди истиннаго адскаго шума, не давалось ни малѣйшаго перерыва для принятія пищи; вмѣсто этого къ шеѣ у нихъ привязывалась жестянка, изъ которой они едва успѣвали сдѣлать пару глотковъ въ тѣ моменты, когда разрывалась нить. Женскій и дѣтскій трудъ примѣнялся сравнительно съ прежнимъ временемъ въ колоссальныхъ размѣрахъ. Отчеты рейнскихъ торговыхъ палатъ съ цинической откровенностью приводили свои „обоснованныя“ жалобы на обязательность школьнаго обученія, которая мѣшала фабрикантамъ эксплуатировать подрастающее поколеніе.

При этомъ трехчасовое обученіе въ школѣ, установленное фабричнымъ закономъ 1853 года для дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, въ сущности значилось только на бумагѣ, да и въ самой этой бумагѣ неоднократно дѣлались прорѣхи толкованіями верховнаго суда. Такъ, высшая прусская судебная палата выискала, будто золингенскія паровыя шлифовальни не подлежатъ дѣйствію фабричныхъ законовъ, какъ, яко-бы, ремесленные заведенія. И дѣвушки, работавшія тамъ,

во избѣжаніе расходовъ для своихъ хозяевъ на различные предохранительныя приспособленія и огражденія, принуждены были для безопасности переодѣваться въ мужскіе костюмы, что вызывало, разумѣется, самыя непріятныя послѣдствія. Когда фабричный инспекторъ осмѣливался робко протестовать противъ этого, ланд-ратъ и все буржуазное общество глубоко возмущались такой отсталой сентиментальностью, и пришлось долгіе годы бороться, пока это безобразіе не было устранено. Вообще же министерство Бисмарка спѣшило убрать съ дороги капиталистической эксплоатаціи всѣ камни преткновенія. Его соціально-реформаторская дѣятельность по спасенію государства началась съ того, что были устранены тѣ ничтожные слѣды государственной защиты фабричнаго труда, которые еще существовали при его предшественникѣ.

Германскій пролетаріатъ шестидесятыхъ годовъ находился въ такой же нищетѣ, какъ и англійскій—въ сороковыхъ, но положеніе его было еще хуже въ томъ отношеніи, что онъ былъ лишенъ почти всякой возможности свободной дѣятельности. Эту дѣятельность стѣсняло не только политическое законодательство. И на экономическомъ поприщѣ ее затрудняли на каждомъ шагу остатки феодально-крѣпостного строя. Экономическое законодательство въ Германіи было еще болѣе пестрымъ, чѣмъ ея географическая карта. Оно имѣло видъ широкаго поля, покрытаго развалинами, только въ немногихъ мѣстахъ превращеннаго въ равнину, на которой пролетаріатъ могъ начать свою гигантскую борьбу съ буржуазіей, — равнину, усѣянную почти повсюду большими и маленькими обломками скалъ, преграждавшими пролетаріату путь къ самостоятельной борьбѣ. Правда, промышленный пролетаріатъ началъ ужъ смыкать свои ряды, но въ этихъ рядахъ замѣчались весьма различныя ступени возраставшаго классоваго самосознанія. И если онъ являлся до извѣстной степени авангардомъ всего германскаго

пролетаріата, если уже разворачивались первые ряды этого авангарда на полѣ рѣшительной битвы, то массы пролетаріата то медленнѣе, то быстрѣе лишь высвобождались изъ феодальныхъ цеховыхъ тисковъ.

Даже среди рейнскаго пролетаріата существовали очень замѣтныя градаціи. Въ округѣ Аахенѣ рабочіе должны были стоять, снявъ шапку передъ строгимъ фабрикантомъ, который укрощалъ ихъ угрозой голода, и передъ строгимъ священникомъ, запугивающимъ ихъ адомъ. Постепенно и медленно, безъ какихъ-либо внезапныхъ скачковъ, подъ тяжестью ханжества, развивался этотъ пролетаріатъ; онъ совершенно не понималъ современнаго положенія; въ отвѣтъ на безстыдство, надменнаго предпринимателя, онъ, въ минуту безграничнаго отчаянія, разбивалъ у своихъ мучителей окна или разрушалъ машины съ тѣмъ, чтобы послѣ этого снова впасть въ прежнюю летаргію. Торговый кризисъ 1857 года и эпидемическая болѣзнь шелководныхъ червей 1889 года пробудили крефельдскихъ ткачей отъ ихъ патріархальныхъ грезъ о званіи мастера къ ужасной дѣйствительности; опутанные „золотой цѣпью“ тяжелой системы задатковъ, они были отданы во власть всякимъ прихотямъ своихъ хозяевъ и находились отъ нихъ въ такой зависимости, которая, по свидѣтельству самого правительства, напоминала времена рабства бѣлыхъ. Но они все еще не могли понять, что они, работающіе на дому,—наемные рабочіе, и оставались разрозненной массой, неспособной къ какому-либо стойкому сопротивленію. Наибольшаго развитія достигло классовое самосознаніе пролетаріата горнопромышленнаго округа, гдѣ традиція Мартовской революціи сохранились также наиболѣе прочно. Тутъ среди рабочихъ агитировали нѣкоторые вожди Майской революціи 1849 года, какъ Гуго Гильманъ въ Эльберфельдѣ, который, возвратившись послѣ 11-ти лѣтняго изгнанія, занимался продажей напитковъ, и Карлъ Вильгельмъ Тельке въ Изерлонѣ, мелкій чиновникъ

судебнаго вѣдомства въ домартовскія времена, который привлекался за участіе въ баррикадномъ бою въ Изерлонѣ и судомъ присяжныхъ былъ оправданъ, но ученымъ судомъ былъ приговоренъ къ денежному штрафу и лишенію національной кокарды подъ тѣмъ предлогомъ, что во время его предварительнаго заключенія въ одной кассѣ, находившейся въ его завѣдываніи, оказался будто „недочетъ“. Въ качествѣ внушающаго страхъ „уличнаго адвоката“ или, вѣрнѣе, въ качествѣ настоящаго адвоката массъ, онъ велъ теперь съ придирчивыми властями столь же забавную, какъ и плодотворную мелкую борьбу.

Въ восточной Германіи бѣлому террору удалось задушить всякія революціонныя воспоминанія. Лишь въ отдѣльныхъ крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ пылали кой-гдѣ единичные огоньки. Въ Гамбургѣ остались слабые слѣды рабочей организаціи подъ покровительственной ширмой безобидныхъ просвѣтительныхъ союзовъ и товариществъ; здѣсь Яковъ Аудорфъ въ жесточайшей борьбѣ за существованіе защищалъ съ непоколебимой вѣрностью старое знамя и въ такомъ же духѣ воспитывалъ своихъ сыновей. Какъ нѣкогда Аудорфъ, благодаря Вейтлингу, сдѣлался сторонникомъ коммунизма, такъ и лейпцигскіе рабочіе и ремесленные подмастерья питались сочиненіями Вейтлинга: табачный рабочій Фридрихъ Вильгельмъ Фриче, сапожникъ Юлій Вальтейхъ и другіе. Тѣмъ не менѣе число ихъ было невелико; среди рабочей массы Гамбурга и Лейпцига господствовала та же неясность, что и въ другихъ мѣстахъ.

При этомъ, какъ воспоминаніе о Мартовской революціи, такъ еще въ гораздо меньшей степени вейтлинговскій коммунизмъ не могли при совершенно измѣнившихся условіяхъ сдѣлаться лозунгами массоваго пролетарскаго движенія. Нужны были иные рычаги для того, чтобы толкнуть рабочихъ въ политическое движеніе, и эти рычаги доставила буржуазія.

2. Рабочая политика прогрессивной партіи.

Буржуазія постоянно твердитъ рабочимъ о необходимости политической борьбы, въ которой ей же въ концѣ концовъ суждено пасть побѣжденной подъ ихъ ударами. Безъ поддержки массъ одолѣть абсолютизмъ и феодализмъ буржуазія не въ состояніи, и отъ ея благоразумія будетъ зависѣть, долго ли пролетаріатъ будетъ идти рядомъ съ нею въ качествѣ союзника, или онъ скоро выступитъ противъ нея самой.

Для германской буржуазіи въ началѣ шестидеся-
тыхъ годовъ обстоятельства сложились необыкновенно
благопріятно. Германію нужно было очистить отъ та-
кой массы стараго хлама, что буржуазія могла бы
обезпечить себѣ надежный союзъ съ рабочими на очень
продолжительное время. Если бы она мужественно до-
вела до конца свою борьбу во время конституціоннаго
конфликта въ Пруссіи, если бы она честно признала
всеобщее избирательное право, свободу печати и сою-
зовъ, — словомъ, если бы она рѣшительно взялась за
осуществленіе современнаго буржуазнаго обществен-
наго строя, то ей не пришлось бы въ бреду своей не-
чистой совѣсти такъ скоро приходить въ ужасъ отъ
тѣни какого-то „государства будущаго“. Феодально-
абсолютистская реакція, заигрывая съ рабочими, уже
съ самаго начала этой борьбы, прямо толкала буржуа-
зію къ правильной тактикѣ. Не въ томъ дѣло, что
было основаніе опасаться того, чтобы рабочіе не под-
дались какъ-нибудь обольщенію этими нѣжными за-
игрываніями; а напротивъ, именно потому, что рабочіе
нисколько не помышляли покинуть буржуазію въ борьбѣ
ея съ реакціей, прогрессивная партія должна была рѣ-
шиться исполнить свой историческій долгъ, такъ ска-
зать, въ крупномъ стилѣ и тѣмъ заплатить ту цѣну,
за которую можно получить какъ побѣду надъ реак-
ціей, такъ и болѣе или менѣе продолжительный союзъ
съ пролетаріатомъ. Между тѣмъ она эту плату давать

не хотѣла, и то, что она предлагала рабочимъ, только ускоряло разрывъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, вмѣсто того, чтобы его задерживать. Національный союзъ ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы оставаться чистой организаціей буржуазіи. Рабочихъ онъ исключилъ въ самой обидной формѣ тѣмъ, что не допускалъ разсрочекъ въ уплатѣ ежегодныхъ взносовъ. Люди вродѣ Беннигсена и его товарищей не хотѣли, чтобы ихъ дипломатическое твореніе встрѣтило помѣху со стороны неподдающагося учету большинства, которое, при системѣ ежемѣсячныхъ взносовъ, могло бы образоваться на общихъ собраніяхъ. Зато Національный Союзъ принялъ рабочихъ подъ свое благосклонное покровительство, которое, именно потому, что было благосклоннымъ, должно было очень скоро внушить отвращеніе честнымъ рабочимъ.

Въ экономическомъ отношеніи буржуазія, вслѣдъ за Шульце, восхваляла товарищества, какъ панацею отъ всякихъ пролетарскихъ бѣдъ. Она проповѣдывала самопомощь въ томъ узкомъ смыслѣ, что каждый рабочий самъ долженъ помогать себѣ путемъ сбереженій, тогда какъ къ самопомощи въ политическомъ смыслѣ, т. е. къ тому, что рабочий классъ долженъ самъ себѣ помогать, она относилась весьма подозрительно, какъ къ опасному заблужденію. Каждая попытка примѣнить эту теорію на практикѣ неизбѣжно убѣждала рабочихъ въ ея несостоятельности, и, несмотря на весь шумъ, поднятый буржуазіей по поводу предлагаемой ею панацеи, товарищества Шульце никогда не пользовались среди рабочихъ особеннымъ сочувствіемъ. Пустота кармановъ сама по себѣ не позволяла рабочимъ принимать какое-либо участіе въ кредитныхъ товариществахъ и въ товариществахъ для закупки сырья, а потребительныя общества, устраивавшіяся въ расчетъ прежде всего на рабочихъ, никогда не достигали такого развитія, какъ только что упомянутые виды ассоціацій. По свидѣтельству самого Шульце, въ 1863 году

на 500 кредитныхъ товариществъ и 200 товариществъ для закупки сырья приходилось не болѣе 100 потребительныхъ обществъ; въ 1864 году послѣднихъ было только 96, изъ которыхъ 38 доставили свѣдѣнія Шульце. Эти 38 товариществъ насчитывали 7709 членовъ, такъ что на каждое товарищество приходилось по 202 чловѣка. Такъ какъ при этомъ далеко не всѣ члены потребительныхъ обществъ принадлежали къ рабочему классу, то изъ этого слѣдуетъ, что товарищества Шульце были сравнительно очень мало распространены среди пролетаріата того времени. Къ товариществамъ, устраиваемымъ подъ руководствомъ фабрикантовъ, рабочіе питали инстинктивное недовѣріе, тогда какъ на потребительныя общества, основанныя рабочими, „образованные“ вожди кооперативнаго движенія смотрѣли косо.

Несравненно болѣе глубокіе корни, чѣмъ потребительныя общества, пустили среди пролетаріата просвѣтительныя общества для рабочихъ, вызванныя къ жизни около 1860 года Соціальнымъ Союзомъ. Количественно ихъ было въ 1863 году всего лишь 104, тогда какъ реакція еще насчитывала евангелическихъ союзовъ юношей свѣше 368 и католическихъ союзовъ подмастерьевъ свѣше 188. Тѣмъ не менѣе, просвѣтительныя общества сравнительно быстро распространились по Германіи и пріобрѣли симпатіи болѣе чуткихъ слоевъ рабочихъ, несмотря на всѣ безобразія, которыя творила въ нихъ буржуазія. Чтобы ярче выставить ихъ капиталистическое происхожденіе, ихъ окрестили названіемъ „Товариществъ для пріобрѣтенія и умноженія умственнаго капитала членовъ“. Имѣются опросные листки, составленные свѣдущими людьми для собранія статистическихъ данныхъ объ этихъ обществахъ; въ этихъ листкахъ ставятся всевозможные вопросы: занимаются ли въ обществахъ обученіемъ, имѣются ли при нихъ библіотеки, устраиваются ли семейныя собранія, гимнастическія экскурсіи, театральныя представленія, рождественскія елки, — но нѣтъ ни одного вопроса,

который бы хотя отдаленно касался занятій вопросами, относящимися къ политическимъ и соціальныхъ интересамъ рабочаго класса. „Образованіе“, которое отпускалось буржуазными покровителями этихъ обществъ, часто было очень невысокаго качества; если принять во вниманіе, что нѣмецкая народная школа, достигшая въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ извѣстной высоты, подверглась въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ опустошенію со стороны реакціи, то явнымъ издѣвательствомъ надъ рабочими было, когда ихъ брались „просвѣщать“ насчетъ правильнаго примѣненія всеобщаго избирательнаго права путемъ поверхностной болтовни объ Уландѣ и нѣмецкомъ романтизмѣ, о Шекспирѣ и Лессингѣ или даже „о Самуэлѣ Джонсонѣ и его біографѣ Маколеѣ“. Противъ такой политики выступилъ, наконецъ, даже одинъ фабрикантъ въ еженедѣльномъ журналѣ Національнаго Союза. Онъ говорилъ, что рабочіе отъ избытка учености не знаютъ собственнаго отца и самихъ себя; память ихъ такъ набита всякой всячиной, что они становятся часъ-отъ-часу глупѣе и на самые обыкновенные вопросы или не въ состояніи ничего отвѣтить, или же городятъ невѣроятную чушь.

Приведенный рѣзкій отзывъ страдаетъ все-таки преувеличеніями въ двухъ отношеніяхъ. Въ просвѣтительныхъ обществахъ для буржуазіи, правда, было важно притупленіе соціально-политическаго сознанія рабочихъ, но не ихъ общее отупѣніе или, во всякомъ случаѣ, не исключительно оно, а поскольку дѣло было именно въ этомъ, рабочіе оказывали отпоръ стремленію забить ихъ головы. Буржуазія, если не принимать во вниманіе жаждущихъ дѣтской крови фабрикантовъ, которымъ, разумѣется, ненавистно всякое школьное образованіе, — нуждается въ многочисленномъ штабѣ интеллигентныхъ работниковъ, которыхъ народная школа, при господствѣ ортодоксальной церкви, ей больше не могла давать. Поэтому буржуазія старалась